

МИХАИЛ ЗЫГАРЬ,
РЕДАКТОР GUIDE
«РОССИЯ — ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ»

НЕ АРМИЯ И НЕ ФЛОТ

Вскоре после войны в Грузии я оказался на одной очень любопытной конференции, участники которой обсуждали последствия конфликта на Кавказе. Большинство российских экспертов было убеждено, что Россия окончательно доказала всему миру, что она встала с колен, ее авторитет окреп, а голос стал более весомым. Европейские политологи, наоборот, считали, что война стала серьезным ударом по имиджу России и по ее позициям. «Ну посмотри-те, кто признал независимость Абхазии и Южной Осетии кроме вас? Никарагуа — и все! У России не осталось партнеров и союзников!» — говорили они.

Ответ раздался немедленно. «Еще император Александр III говорил, что у России только два союзника — армия и флот», — с торжествующим видом провозгласил один из российских участников конференции. «А все остальные — враги?» — в ужасе прошептал один пожилой российский ученый. Никто из европейцев не нашелся, чем возразить. С тех пор эту мудрость XIX века я стал слышать все чаще и чаще. Она стала удивительно модной — наряду с уверениями в том, что финансовый кризис погубит Запад, а на России не скажется. Казалось бы, это так наивно, что даже не стоит спорить. Казалось бы, в XXI веке уже как-то несерьезно говорить про «единственных союзников — армию и флот», потому что так можно говорить только про закрытое, отгородившееся от всего мира государство. При всем уважении к императору его высказывание давно устарело и сейчас может быть применимо разве что только к Северной Корее, где нет ни интернета, ни финансового кризиса.

Уверенность в том, что никакие партнерские отношения России не нужны, в последнее время встречается все чаще. Как и мнение, что Россия нужна Европе в большей степени, чем Европа России. Мол, мы без них проживем, а они без нашего газа и нефти — нет. И эта убежденность — одно из самых неприятных последствий войны в Грузии. Оно может укорениться в головах надолго. Но не навечно. Потому что, как образно заметил поэт Лев Рубинштейн, современный россиянин — человек со Сталиным в голове и с шенгенской визой в паспорте. И даже если не со Сталиным, а с Александром III, это дела не меняет.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЕДИНОЕ АНТИКРИЗИСНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАХЛЕСТНУВШАЯ МИР ОСЕНЬЮ ВОЛНА ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НЕОЖИДАННО ОКАЗАЛАСЬ ФАКТОРОМ ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА, ЕЩЕ В АВГУСТЕ, ПОСЛЕ ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ, СОБИРАВШИХСЯ В КОРНЕ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ОТНОШЕНИЯ. НА НОЯБРЬСКОМ САММИТЕ РФ—ЕС МОСКВА И БРЮССЕЛЬ ДОГОВОРИЛИСЬ БОРОТЬСЯ С КРИЗИСОМ ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ И НАЧАТЬ ОБСУЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МИРОВЫХ ФИНАНСОВ. НАРЯДУ С ЧЕТЫРЬМЯ ПРОСТРАНСТВАМИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС ВОЗНИКЛО И ПЯТОЕ — АНТИКРИЗИСНОЕ. АЛЕКСАНДР ГАБУЕВ

ОБЩИЙ УДАР Россия и Европа столкнулись с мировым финансовым кризисом почти одновременно. Еще в конце августа и начале сентября первые полосы как российских, так и европейских газет пестрели сообщениями о недавней войне на Кавказе. 1 сентября лидеры ЕС даже собрались на экстренный саммит, посвященный последствиям событий в Грузии и отношениям с Россией. В итоге главы государств — членов ЕС приняли заявление о том, что «вести дела как обычно» с Москвой в сложившихся условиях невозможно. Были заморожены и переговоры по новому соглашению о партнерстве и сотрудничестве вплоть до выполнения РФ мирного плана Медведева — Саркози. Казалось, что о российско-европейском диалоге можно забыть, по крайней мере на несколько месяцев.

Все стало меняться уже через две недели после этого саммита. 14 сентября было объявлено о банкротстве одного из крупнейших инвестбанков США Lehman Brothers. Для всего мира эта новость стала сигналом того, что наблюдавшееся с лета снижение биржевых индексов оказалось не просто коррекцией, а прелюдией перед обвалом котировок в общемировом масштабе и началом глобального кризиса. После этого о войне в Грузии пресса и политики будто забыли — все говорили только о кризисе. По России кризис ударил намного сильнее. Начиная с сентября российский фондовый рынок демонстрировал едва ли не худшую в мире динамику. За первые три дня после банкротства Lehman Brothers индекс РТС просел больше чем на 16%, продолжая затем стремительно снижать-

ся и пробивать один психологически важный уровень за другим. Нестабильности на площадках добавляли не только страхи перед разрастанием кризиса, но и ряд внутренних факторов: акционерный конфликт в ТНК-ВР, дело «Мечела» и военная кампания в Грузии, усилившие бегство капиталов на Запад. Наконец, важную роль в столь стремительном падении стал обвал цен на нефть со \$147 за баррель на пике до ниже \$50 на конец ноября. С начала года на 22 ноября индекс РТС потерял почти 75% своего значения, упав до уровня 550 пунктов. По сравнению же с пиком этого года, пришедшимся на 19 мая (максимальное значение индекса в тот день было зафиксировано на уровне 2498,10 пункта), падение и вовсе составило почти 80%.

Падение европейских индексов было не столь драматично, как в России, но также весьма значительно. Из тех 45%, которые немецкий индекс DAX потерял за год, на последние три месяца пришлось около 33,5%. Ведущий британский индекс FTSE 100 снизился за 2008 год почти на 40%, причем 30% индекс потерял с сентября. Аналогично вел себя и французский индекс CAC 40.

Уже в сентябре стало очевидно, что кризис в России и ЕС затронет и банки, и реальный сектор экономики. Многие кредиты давались банками под залог акций компаний. Когда рынок падал, залог начинал обесцениваться, а при падении акций ниже определенного уровня наступал margin call — банк был вынужден продавать акции, чтобы вернуть свои деньги. Разумеется, сброс акций банком лишь подстегивал движение рынка вниз. Компании начали сокращать издержки, увольняя персонал, а в условиях падения спроса многие были вынуждены и приостановить производство. Стало очевидно, что без государственного вмешательства не обойтись. И именно оно стало первой точкой соприкосновения для России и ЕС в условиях кризиса — многие действия Москвы и Брюсселя оказались довольно схожи.

ПОХОЖИЕ РЕШЕНИЯ Разумеется, европейские регуляторы не закрывали торги на несколько дней, как неоднократно делала осенью российская Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР). Кроме того, в ноябре российский ЦБ начал поднимать ставки, пытаясь предотвратить отток капитала и побороть двухзначную инфляцию, а европейские ЦБ ставки снижали, стремясь обеспечить банкам легкость доступа к заемным средствам. Тем не менее некоторые черты российского и европейского антикризисных планов оказались довольно схожи.

Как и большинство европейских кабинетов, правительство РФ решило не выкупать у банков проблемные активы, ➔

